Золотая коллекция

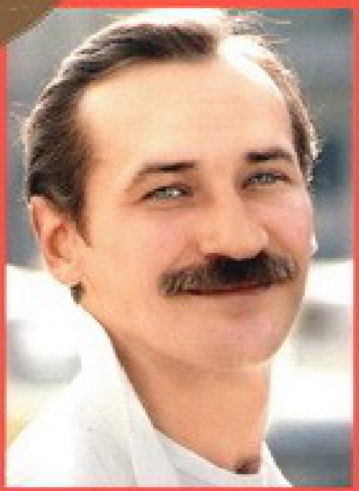
декабрь
№109 2013

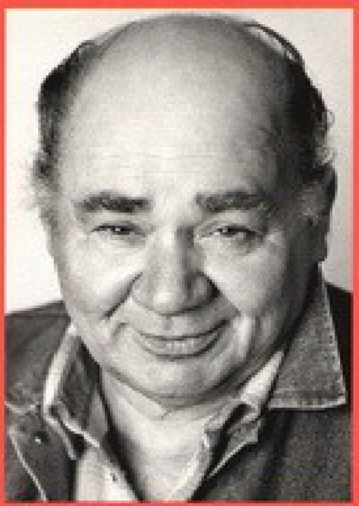
Gala

Биография

каждая жизнь — история

ЛЕГЕНДЫ российского кино





Любовь Орлова

Александр Кайдановский

Элина Быстрицкая

Евгений Леонов

Нонна Мордюкова

Леонид Филатов

Рина Зеленая

Юрий Богатырев

Валентина Серова

Euro-countries 7€
Switzerland 12,70 SFr

16+

рекомендованная
цена 55 рублей

SHOUT
SHARE
IT
WAKE

Annotation

Актер Юрий Богатырев рассматривал свою жизнь через призму персонажей, которых играл. Окружающий мир казался ему суров, и он искал защиту от него в творчестве. О том, почему любимое дело погубило актера, рассказывает неоднократно работавший с ним Евгений Цымбал.

- Евгений Васильевич Цымбал
  - ○

Евгений Васильевич Цымбал
«Я НИЧЕГО ДРУГОГО НЕ УМЕЮ»

Фото Л. Н. Шерстенников

Мы познакомились с Юрой в самом начале 1979 года в Пущино. Никита Михалков пригласил меня поработать на картине «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». Юра там играл Андрея Штольца, лучшего друга Обломова, — вторую главную роль в фильме.

В Пущино снимали эпизоды на зимней натуре. Первым был отъезд юного Штольца в Санкт-Петербург на службу. Тот вскакивал на коня и отправлялся в путь, но вдруг поднимали крик мамки, няньки, служанки, сенные девушки и прочая дворня. Андрей Штольц сваливался с коня, целовался с родной ему с

детства челядью, плакал, но, увидев спину уходящего отца (артиста Николая Пастухова), снова садился на коня и скакал, пока не скрывался за поворотом. Я был поражен, как точно играл Богатырев, как органично переходил он от собранной жесткости к слезам и причитаниям.

После съемки я сказал ему свои комплименты, он улыбнулся, протянул руку и предложил познакомиться. Через минуту мы уже разговаривали как старые знакомые.

На следующий день мы вместе отправились в знаменитый в ту пору на всю страну пущинский книжный магазин «Академкнига» — Богатырев, как оказалось, был страстным книгочеем. Погода была тихой и солнечной. Мы остановились на смотровой площадке. Перед нами, за Окой, на много километров раскинулись заповедные леса Приокского террасного заповедника. Юра раскинул руки, как бы открывая всю эту красоту, и вдруг неожиданно совершенно искренне заплакал. Я как мог пытался его успокоить, а он, уронив лицо мне на плечо, рыдал как ребенок. Я сказал какие-то утешающие слова. Он улыбнулся, вытер слезы, стал извиняться за свою сентиментальность. И мы пошли дальше. Я, огорошенный таким неожиданным проявлением любви к природе, чтобы как-то его отвлечь, вспомнил его кавалерийские подвиги и поинтересовался, не из казаков ли он. Он сказал, что не из казаков, а напротив, происхождения самого что ни на есть среднерусского. Родители Юрия Богатырева были горожанами в первом поколении. Отец, Георгий Андрианович Богатырев, был родом из удмуртской деревни Верх-Позимь, стоявшей на реке Каме. Всегда мечтал стать моряком и стал им, окончив Военно-морское училище в Ленинграде. Там и встретил свою будущую жену, Татьяну. Она родилась в деревне Кипрово Тверской губернии. У нее было 9 братьев и сестер. Когда в поисках работы семья перебралась в Петроград, жили в коммуналке на 11 семей на Васильевском острове. Татьяна в школе посещала танцевальный кружок, и ее успехи были столь заметны, что ей рекомендовали заняться танцами всерьез. Занималась она в Доме культуры им. Кирова, куда заглядывали и курсанты Военно-морского училища, располагавшегося совсем рядом.

В Татьяну Георгий влюбился с первого взгляда. В конце второй недели знакомства он сделал предложение. Времени на раздумья не оставил — новоиспеченного морского офицера отправляли на границу с Японией. 8 октября 1937 года они поженились.

Служил Георгий Андрианович во Владивостоке, в порте Находка. В 1945 году, окончив штурманский факультет Военно-

морской академии, получил назначение капитаном боевого корабля в местечко Балдарай под Ригой, где базировались подводные лодки Балтийского флота. Там 2 марта 1947 года в семье капитана родился сын — будущий знаменитый актер Юрий Богатырев.

«РОДИТЕЛЯМ Я ОБЯЗАН тем, что они приучили меня трудолюбию, — рассказывал о своем детстве Юрий Богатырев. — Благодаря этому я считаю себя самостоятельным».

С детства Юра с матерью, как и семьи других моряков, выходили на причал встречать из походов корабли. Возвращались не все и не всегда — послевоенная Балтика кишела минами. Юрий с раннего детства узнал цену человеческой жизни, горечь слез и неприкаянность соседских мальчишек, ставших безотцовщиной. Непременно брала его мать с собой и на занятия танцами в Морском клубе. Там и состоялся его сценический дебют: в четырехлетием возрасте Юра Богатырев лихо отплясывал народные танцы. Особым успехом пользовался в его исполнении танец «Яблочко».

УЖЕ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ Юра был артистичен и выразительно позировал, когда его фотографировали.

С ДЕТСТВА Юру дразнили «девчоночником»: он был светловолос, не по-мальчишецки изящен и нежен. Дружил с девчонками и играл в куклы в театре.

В 1953 году отца, как одного из лучших офицеров, перевели в Москву, в распоряжение штаба МВФ. Семье выделили жилплощадь на станции Левобережная, а позже — отдельную квартиру в подмосковном Красногорске. Здесь Богатыревы впервые испытали потрясение от столкновения с непостижимым: их любимый сын начал проявлять черты, которые ставили в тупик не только родителей, но и детских врачей, и педагогов. «По ночам пятилетний Юра регулярно вставал во сне, — рассказала Татьяна Васильевна Богатырева в книге Натальи Бобровой „Юрий Богатырев не такой, как все“, — и ходил по квартире, нарядившись в шелковый халат с черными страусами на голубом фоне (картину завершала мамина шляпа с пером, вуалью и мушками)… Потом все аккуратно снимал, и, как ни в чем не бывало, ложился спать дальше.

И ведь как аккуратно вешал халат на место! Кочерга стояла рядом с халатом и не падала! Мы в таких случаях его никогда не будили… Потом только спросим: „Ты помнишь?“ — „Нет“. С годами этот лунатизм как-то сам собой прошел».

В школе Юра был типичным первым учеником. Отметки ниже пятерки были для него неприятным событием. Он редко и неохотно участвовал в проказах сверстников, предпочитал играть с девочками. Его любимым занятием был кукольный театр. Юрий

научился делать куклы, сам ставил спектакли, управлял несколькими куклами, озвучивал их, изменяя голос в соответствии с персонажем. Другим увлечением Юры было рисование. Ему повезло с учителем, который водил своих учеников по музеям, рассказывал о секретах художественного мастерства. Кроме этого, способный мальчик много читал, учился играть на фортепиано, пел. При этом у Юрия сохранялось восторженное отношение к героической профессии отца, к морской романтике.

Когда Юре исполнилось 10 лет, родители собрали его в самостоятельное путешествие: сын отправился в Ленинград поступать в Нахимовское училище.

Он успешно сдал экзамены и поступил, но первое же столкновение с суровым мужским миром привело его к жесточайшему нервному срыву. В кубрике, где размещались будущие краснофлотцы, у Юры украли шапку и носки. Холодной питерской осенью он оказался полураздет. Но еще больше его потрясла несправедливость происшедшего. При этом он боялся рассказать о случившемся офицерам-воспитателям — старшекурсники объяснили новичкам, что по нахимовским традициям ябедничество наказывается жестокими побоями и общим презрением. От безвыходности положения и переживаний у него случилось тяжелое расстройство желудка и рвота, усугубленные сильной простудой. Юра оказался в лазарете. Врачи поставили его на ноги, но Юрий окончательно понял, что казарменные нравы ему не подходят. По выздоровлении он расстался с Нахимовским училищем и возвратился домой.

В ЮНОСТИ Юра был романтичным и влюбчивым, отчего часто сам и страдал.

ЮРА с товарищами на раскопках в Тучково. Из экспедиции Юрий привез домой череп, который пригодился его сестре Рите, учившейся на стоматолога.

СТУДЕНТ Художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина Юра Богатырев на этюдах.

Дома были привычные занятия — обучение игре на фортепиано, самодеятельность, заниматься которой его поощряла мама, пение и рисование. Его артистизм проявлялся все ярче, но Юрий все же решил стать художником. В 1964 году, окончив

восемь классов, он поступил в Художественно-промышленное училище имени Калинина, чтобы стать художником по коврам. Успешно отучившись год, Юра поехал в археологическую экспедицию в Подмосковье. Неподалеку от легендарного Тучкова, прославленного в войну 1812 года, археологи раскапывали древние курганы, и им требовался человек, умеющий аккуратно и точно зарисовывать раскоп и найденные в нем предметы.

Рядом находился летний лагерь Московского дворца пионеров. Там кипела бурная жизнь. Среди множества кружков и секций был и кукольный театр. Юра вновь загорелся интересом к куклам и попросил принять его в студию. Его первым театральным наставником стал Владимир Михайлович Штейн, замечательный режиссер и педагог, который преподал Юрию уроки сценического движения, культуры речи, умение читать стихи и прозу. Юра увлеченно мастерил куклы, репетировал и уже через несколько месяцев стал одним из ведущих актеров детского кукольного театра «Глобус». Это была настоящая творческая школа. Юные актеры посещали театры, кино, музеи, вечера в легендарном Доме актера ВТО. Они и сами выступали на столичных сценах: в Центральном Доме работников искусств, Дворце культуры МГУ, Телевизионном театре. Однажды даже съездили на гастроли в Прибалтику, и Юра с радостью побывал в Риге и родном Балдарае. В этих занятиях прошел еще один год. Юра сделал окончательный выбор в пользу артистической карьеры.

Он забрал документы из художественного училища, полгода проучился в вечерней школе, чтобы получить аттестат зрелости, и в 1967 году поступил в Щукинское училище. В «Щуке» его наставником стал известный актер и педагог Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Это были годы расцвета Щукинского училища. В середине 60-х там обучались Никита Михалков, Александр Кайдановский, Леонид Филатов, Владимир Качан, Константин Райкин. Леонид Филатов так отзывался о Юре: «Он и раньше был эрудитом-книгочеем, очень много знал того, чего обычно не знают студенты. А во время учебы он постоянно пополнял свой интеллектуальный багаж. К тому же он был завсегдатаем кинотеатра „Иллюзион“ (что требовало достаточного мужества — в те годы туда было очень непросто попасть), писал дневники… Словом, весьма разносторонняя личность…»

«ЩУКА»

ОДНОКУРСНИКИ по Щукинскому училищу ласково называли Юрия Богатырева «пельменем» — он не обижался, потому что все относились к нему с огромным уважением.

МЕЖДУ ЛЕКЦИЯМИ Юрий часто устраивал концерты. Его любимой песней была «Конфетки-бараночки», авторов которой он долго, но, как и многие, безуспешно пытался установить.

«ВКУСЫ ВСЕГО НАШЕГО КУРСА были подстроены под Юру, — вспоминает Наталья Варлей. — Мы старались говорить как он, шутить как он. Но немножко над ним и подтрунивали».

В годы учебы Юра по приглашению Кости Райкина полтора года жил в квартире великого актера Аркадия Исааковича Райкина, потом примерно столько же времени — у художника и сценариста Александра Адабашьяна. «Юра, — вспоминал Адабашьян, — был человеком далеко не глупым, образованным, начитанным, что, в общем, в театральной среде вещь не очень частая. Он регулярно и очень много занимался. Читал книги — и из нашей библиотеки, и из своей (у его родителей в Красногорске было очень неплохое собрание книг). Часть из них он таскал с собой по всем квартирам, где он жил. Причем у него были очень хорошие, дорогие книги по искусству. Он тратил много денег именно на это. Книги и альбомы доставляли ему огромное удовольствие. И он очень много их дарил».

Еще в училище он начал сниматься в кино. «На самостоятельные курсовые и дипломные работы студентов, — рассказывал Богатырев, — всегда приходили бывшие студенты. Помню, мы играли тогда пьесу-мистификацию Леонида Филатова, который учился на два курса старше. После просмотра пришел за кулисы Никита Михалков и сказал: „Старик, нам надо с тобой работать“ (он еще был студентом режиссерского факультета ВГИКа). Сказал — и слово свое сдержал. В 1969 году Никита начал снимать свой дипломный фильм „Спокойный день в конце войны“ по сценарию Ибрагимбекова и пригласил меня на небольшую роль».

***ПЕРВАЯ РОЛЬ** Богатырева в кино — в дипломном фильме Никиты Михалкова «Спокойный день в конце войны» он сыграл безымянного немца. 1970 год.*

СПЕКТАКЛЬ «ВАЛЕНТИН И ВАЛЕНТИНА» стал сенсацией. Богатырев играл юношу, борющегося за свою любовь. 1971 год.

ОБРАЗ МАРТИНА ИДЕНА оказался очень близок Богатыреву. 1976 год.

В 1971 году, после окончания Щукинского училища, Юру взяли в «Современник». В театре его актерская судьба поначалу складывалась не очень успешно. Он долго не получал серьезных ролей и ужасно переживал по этому поводу. Со временем дело наладилось, он стал много играть, его лучшими ролями стали герцог Орсино в «Двенадцатой ночи» по Шекспиру и Марк в пьесе Виктора Розова «Вечно живые». У Юрия появились свои благодарные зрители, преданные поклонницы, которые были в восторге от него. Богатырев был очень этому рад, но в то же время и опасался этого: «Зритель, полюбив артиста за какую-то удачно сыгранную роль, хочет вновь и вновь видеть своего любимца в том же амплуа и характере. И все же артист не должен опускаться до уровня массового спроса».

В ОТЛИЧИЕ ОТ ТЕАТРА, где спонтанность необходима, в кино Юрий готовился к каждому дублю: фильм выйдет – ничего не исправишь, считал он.

В ОТЛИЧИЕ ОТ ТЕАТРА, где спонтанность необходима, в кино Юрий готовился к каждому дублю: фильм выйдет — ничего не исправишь, считал он.

Попав в «Современник», Юра перестал наконец скитаться по чужим углам — театр выделил ему комнату в театральном общежитии между Библиотекой имени Ленина и Кремлем. Все думали, что он вот-вот женится. Женщины всегда обращали на него внимание. Еще в студенческие годы у него возникли дружеские отношения с искусствоведом Надеждой Целиковской. Она первой из театральных критиков увидела подлинный масштаб его таланта. Надежда давала ему добрые советы, была мила, умна, по-настоящему интеллигентна. Их дружба переросла в прочную привязанность. Но в их отношениях возникли подводные камни. Надежда была убеждена, что Юрию предстоит блестящая театральная карьера, и считала себя ответственной за его театральные достижения. Она не любила кино — была убеждена, что киноэкспедиции, частые отлучки из театра портят актеров, не дают возможности серьезно относиться к репетициям, прививают легкомысленное и поверхностное отношение к профессии. Он же в это время получал интереснейшие предложения именно в кино, тогда как театральные работы по большей части совершенно его не удовлетворяли. В результате — они расстались, хотя их отношения остались дружескими.

Об их разрыве Юрий не любил говорить. Вообще, во всем, что касалось личной жизни, он был весьма щепетилен и скрытен. При всей его общительности и жизнелюбии о его романах почти всегда знали только он и его избранницы. Мало кто, например,

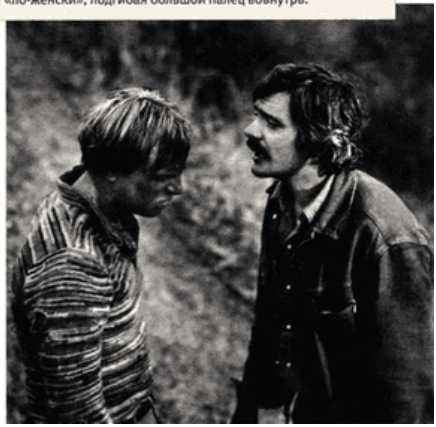
был в курсе того, что Юрий был женат на бывшей актрисе Театра на Таганке Надежде Серой — настолько этот брак был их личным делом. Юрий всегда предпочитал жить отдельно от своих избранниц, считал, что в одиночестве ему удобнее работать над ролями. Он отдавался творчеству в полном смысле слова всецело. «У меня много „домашней работы“, — говорил он, — я обдумываю роли дома, на улице, везде. Если человек относится к своему труду серьезно, то он живет этим постоянно. Думает о работе все время. Я даже ночью, когда не спится, повторяю фразы, монологи из спектаклей или фильмов. Уж сколько лет прошло со времен съемок картины „Свой среди чужих, чужой среди своих“, а я вдруг начинаю думать о роли, вспоминаю целые сцены — как их надо было бы сыграть…»

БОГАТЫРЕВ был довольно неприхотлив в быту и в экспедициях мог уснуть под открытым небом.

«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ» — перерыв между съемками.

1973
ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ категорически отказывался сниматься в сцене драки с Александром Кайдановским: не могу, дескать, причинять боль другому человеку. Михалкову пришлось даже кричать на Богатырева: «При чем тут ты? При чем тут Саша? Встречаются чекист и белогвардеец!» Подействовало.

ДЛЯ ФИЛЬМА «СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ» Богатырев научился ездить верхом, накачал мускулы... Но к полному потрясению Михалкова, когда снималась сцена драки, неожиданно выяснилось, что он ни разу в жизни не дрался, и даже кулак сжимает «по-женски», подгибая большой палец вовнутрь.



ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ категорически отказывался сниматься в сцене драки с Александром Кайдановским: не могу, дескать, причинять боль другому человеку. Михалкову пришлось даже кричать на Богатырева: «При чем тут ты? При чем тут Саша? Встречаются чекист и белогвардеец!» Подействовало.

ДЛЯ ФИЛЬМА «СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ» Богатырев научился ездить верхом, накачал мускулы… Но к полному потрясению Михалкова, когда снималась сцена драки, неожиданно выяснилось, что он ни разу в жизни не дрался, и даже кулак сжимает «по-женски», подгибая большой палец вовнутрь.

«Свой среди чужих, чужой среди своих» была его вторая

работа в кино, и тоже — с Михалковым. Они вместе шли от фильма к фильму, вырастая каждый в своем мастерстве и таланте. В «Своем среди чужих, чужом среди своих» Богатырев великолепно сыграл Егора Шилова — человека, несправедливо заподозренного в предательстве и доказывающего свою невиновность. Юрий филигранно выстроил образ своего героя, с поразительным мастерством переходя от одного чувства к другому. Съемки проходили в Чечне, в горных и предгорных станицах и аулах. Чеченцы, знавшие толк в лошадях и джигитовке, не раз восхищались тем, как Юрий ездил верхом. В седле он держался так, как будто занимался верховой ездой всю жизнь, и с лошадью управлялся как опытный наездник. На съемочной площадке он преображался полностью. «Богатырев, — говорил Михалков, — замечательный, великий, гениальный актер, жаловался, что его не узнают на улице». Но именно обладая абсолютной способностью к трансформации, именно потому, что «никакой», Богатырев в фильме «Свой среди чужих» мог быть чекистом, который скачет верхом, бьет по зубам, стреляет, висит над пропастью, мог стать Войницыным в «Механическом пианино» или Штольцем в «Обломове».

РЕЖИССЕР фильма «Несколько дней из жизни Обломова» Никита Михалков заранее решил, что Богатырев будет играть роль Штольца. Богатырев согласился, хотя очень хотел пробоваться на роль Обломова, которого сыграл Табаков.

Мне запомнилась небольшая сцена в «Обломове» — в баньке,

где парились Обломов со Штольцем, а после вели серьезный философский разговор. Снимали наоборот: сначала разговор, а затем парную, так как было ясно, что после съемок на морозе актеры уже вряд ли смогут философствовать… Баня была настоящей, но пар в ней заменял дым — от пара и тепла запотевала оптика. Поэтому в парной было градусов 6–8 тепла, и оставалось только восхищаться мужеством и мастерством Олега Табакова и Юры Богатырева, которые, будучи обнаженными на таком холоде, увлеченно хлестались березовыми вениками, отдуваясь якобы от жары. Потом Юра выскакивал на мороз, на продуваемый всеми ветрами склон, валился в сугроб, который мы наскребли буквально изо льда — зима в тот год была малоснежной, снег под ветром превратился в ледяную корку, — и катался, ахая и ухая, вроде бы от удовольствия. Перед съемкой его обливали горячей водой, чтобы от тела валил пар, но, когда после команды «стоп» он опрометью вбегал обратно в баньку, губы его были синими от холода. К тому же через несколько дублей Юра был весь в царапинах и порезах от острого наста.

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЮРА ОЧЕНЬ ОЧЕЛОВЕЧИЛ ШТОЛЬЦА, — рассказывал Никита Михалков. — Он сделал из него не бездушную машину, а человека, который просто искренне не понимает, что такое русская душа».

Как только последний дубль был снят, Михалков протянул Богатыреву полный стакан своей фирменной «кончаловки» — волшебно вкусной домашней водки, настоенной на черной смородине. Юра выпил примерно треть, больше не стал, сославшись на то, что завтра ему играть спектакль. Когда мы ехали в гостиницу, я спросил, не боится ли он заболеть. «Нет, —

сказал Юра еще синими губами. — На съемках я никогда не болею. Вот если бы я сам вышел на улицу в такую погоду — непременно бы заболел». Он вообще был болезненным, у него был порок сердца.

Осенью 1980 года мы снова встретились на «Родне», еще одном фильме Никиты Михалкова. Юра был идеальным актером для этого режиссера. В «Родне» Богатырев исполнил роль Стасика — мешковатого растяпы, которого обманывает жена, бьет теща, не ставит ни в грош дочь. Но Михалков хотел, чтобы этот персонаж не был столь однозначным, чтобы это был трогательный человек, который никому не приносит зла, большой ребенок. Богатырев сыграл его великолепно. Этот образ был внутренне ему очень близок.

ШУТНИК

«СТАСИК В „РОДНЕ“ увлекается собиранием и изготовлением скульптур из корней и коряг, чем занимаются школьники 10–11 лет в кружках „Умелые руки“. Это работало на его характер, — рассказывает Евгений Цымбал, работавший на съемках фильма. — Я помню, как мы поехали на стадион МГУ, фотографировать его на пьедестале почета. На первом месте стал Юра, на третьем я, на втором — Иван Сергеевич Теплов, служивший дядькой в семействе Михалковых. Юра немного похулиганил: когда фотографии напечатали, я обнаружил, что наш победитель держит свою скульптуру — неведомую тварь — за причинное место, попросту говоря, за член».

ФИЛЬМ «РОДНЯ» цензура надолго положила «на полку» — образ Стасика, созданный Богатыревым, «очернял» советского человека.

Юра и в дружбе был трогательно доброжелательным и

преданным. Он звонил мне, интересовался, как жизнь, радовался моим успехам, искренне переживал мои трудности. Я в свою очередь всегда разделял его радости, терпеливо выслушивал его проблемы. Он действительно был большим ребенком, наивным, легковерным, доверчивым. Иногда Юрины звонки превращались в сбивчивые горячечные монологи, я искренне ему сочувствовал, пытался как мог успокоить. Успокоить его было легко — несколькими теплыми словами, обидеть тоже — одним, сказанным недостаточно эмоционально или холодно. Иногда Юра горько жалел, что участвовал в каком-то фильме или спектакле, но стоило появиться положительной рецензии или отзыву человека, которого он уважал, его мнение тут же менялось на противоположное. При этом он не лгал — любое криводушие или меркантильный расчет были ему абсолютно чужды. Он просто был актером до глубины души, простодушно веривший в предлагаемые жизнью обстоятельства. Почти всегда в конце разговора он приглашал меня в театр. Богатырев играл в «Современнике» одиннадцать лет, хотя еще в 1977 году Олег Ефремов пригласил его во МХАТ. Некоторое время он играл в двух театрах. В главном драматическом театре страны он быстро встал на один уровень с самыми знаменитыми актерами, а через несколько лет, по его собственному выражению, превратился в «коренную лошадь мхатовского репертуара».

ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ играл в «Современнике» под руководством Олега Ефремова, затем — Олега Табакова. Потом перешел во МХАТ к тому же Ефремову.

Я помню, как великолепно играл он роль Клеанта в спектакле по пьесе Мольера «Тартюф», уже в середине 80-х. Его партнерами были Станислав Любшин и Анастасия Вертинская. Юра к этому времени располнел, был дороден и вальяжен. Это был необычный

спектакль. В центре сцены стоял стол с длинной до полу скатертью, из-под которой вылезал и в которую прятался Тартюф. Под столом был люк в полу, он позволял актеру каждый раз появляться на сцене в неожиданных местах. И вот, в самом начале спектакля, Любшин в ажиотаже поднял стол и ударил им об пол. И у стола отвалилась ножка. Юра проявил фантастическую реакцию. Он мгновенно подхватил падающий стол и дальше играл чрезвычайно динамичную, требующую огромных физических и нервных затрат роль, придерживая стол либо рукой, либо ногой, либо спиной, так и не дав ему ни разу упасть. Не отходя от стола более чем на полметра, он двигался в ритме анимационного персонажа и выстреливал монологи как крупнокалиберный пулемет. Все это он делал так легко, ловко и элегантно, что почти все в зале решили, что отвалившаяся ножка — это изощренная режиссерская находка. Спектакль закончился шквалом аплодисментов и многократными выходами на бис.

После спектакля я пошел к Юре за кулисы. Он полулежал, совершенно обессилев, на диване и был насквозь мокрым. Пот лил градом по набрякшему, красному лицу, гримерша отпаивала его сердечными каплями. «Я думал, сегодня меня хватит инфаркт», — едва выговорил он.

В КОЛЛЕКЦИЯХ многих известных артистов есть портреты, написанные и подаренные им Богатыревым. Но многие, особенно любимые картины, актер оставлял у себя.

В КОЛЛЕКЦИЯХ многих известных артистов есть портреты, написанные и подаренные им Богатыревым. Но многие, особенно любимые картины, актер оставлял у себя.

«НИ В КОЕЙ МЕРЕ я не претендую на профессионализм, и мои рисунки могут служить, пожалуй, лишь штрихом к портрету артиста», — говорил Юрий Богатырев, явно преуменьшая свои таланты.

Он играл в очень многих спектаклях, и вожделенный театр стал обретать для него черты изнурительной и рутинной работы. Ему часто приходилось играть с высоким давлением и тахикардией. В какие-то моменты он ненавидел МХАТ и даже хотел уйти из театра. Ему казалось, что он сможет прожить жизнь художника, тихо и спокойно занимаясь живописью, которую он никогда не оставлял. Потом он впадал в депрессию, ругал профессию актера, кричал: «Но я же ничего другого не умею!» И плакал, как всегда, когда чувствовал себя одиноким и обиженным. Творческую и жизненную неудовлетворенность, бесконечные стрессы пытался снимать алкоголем, утром пригоршнями глотал тонизирующие препараты, вечером —

транквилизаторы. Это еще больше усугубляло его состояние и привело однажды к срыву спектакля.

У него была еще одна, тяжелейшая причина стрессов и переживаний, которую он скрывал почти от всех. Юра, бывший любимцем женщин, обожавший их общество, герой нежных и длительных романов, человек, который был женат, оказался в абсолютно трагической ситуации. По его рассказам, в довольно зрелом возрасте, совершенно независимо от его желания, у него вдруг изменилась сексуальная ориентация. Специалисты подтверждают: это чрезвычайно редко встречающаяся психогенная инвертированность, когда человек, ощущавший себя вполне полноценным мужчиной или женщиной, вдруг начинает себя ощущать человеком противоположного пола. Это была настоящая бездна, внезапно разверзнувшаяся перед ним, ад внутри самого себя. Временами он впадал в тягчайшую депрессию, сгорал со стыда, считал себя ненормальным уродом и подолгу рыдал, ненавидя себя, свою судьбу, свое тело.

Друзья пытались ему помочь, поддерживали его, но судьба его пошла вразнос. В его квартире на улице Гиляровского все чаще появлялись случайные люди, любители выпить из разных театров и из его дома, да и просто бог знает кто. Долго это продолжаться не могло. После очередного сердечного приступа ему вызвали «скорую помощь», и фельдшер, пытаясь его спасти, ввел ему в сердце препарат, не совместимый с алкоголем. Это случилось 2 февраля 1989 года. Накануне он успел развесить картины для первой в его жизни персональной выставки живописи в филиале Бахрушинского музея на Тверском бульваре.